КРОКОДИЛ

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ

№ 9

МОСКВА, МАРТ 1927 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Цена 15 коп.

Рис. Ив. Малютина

БЮРОКРАТ И ДНЕПРОСТРОЙ

Для начала работ по Днепрострою собрано около миллиона рублей.

БЮРОКРАТ: — Миллион собрали — подумаешь! Никакого размаху нет! Вон у нас в Моссукне на одну отчетность 2.446.568 рублей понадобилось!

ПЕРЕД БУРЕЙ
(НА ПУТЯХ К ОДЕССЕ)

Рис. Ив. Малютина

На иностранных кораблях, прибывающих в Одессу, привозится много контрабанды.

— Вы смотрите, синьор Рваччио, в случае катастрофы хватайтесь за этот спасательный круг! Его во что бы то ни стало надо спасти: в нем на двадцать тысяч лир дамских чулок!

НЕИСПОРЧЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Наша плановая работа, вследствие крайней ее детализации, иногда заходит в тупик.
(Из речей и статей).

Комиссия начала работать над производственно-финансовым планом «Чугунотреста», несмотря на отсутствие представителя Статотдела, которого она долго ожидала.

Ею был разрешен сложный вопрос о предполагаемом количестве разбитых стекол в здании правления, вследствие игры в футбол на первом дворе, в течение II и III кварталов будущего года, но тотчас же возникло новое разногласие.

Представитель Наркомфина настаивал на пересмотре исчисления дров, потребных для отопления правления в декабре месяце.

— Отчеты за прошлые годы,—говорил он простуженным голосом, —с несомненностью указывают на недоучет метеорологических факторов. В 22/23 году в декабре насчитывалось три оттепельных дня, в 23/24—4 и 24/25—5. Другими словами, число дней оттепели возросло, как абсолютно, так и относительно, и не показывает тенденции к снижению...

— Виноват! Извиняюсь!—перебил представителя Наркомфина представитель МСПО.—Во всех трех перечисленных вами случаях оттепель приходилась на дни отдыха и, следовательно...

Председатель чуть звякнул в колокольчик и заметил:

— Среди нас имеется представитель бюро погоды? А? Что?

Представитель бюро погоды, приподнявшись, высказался в таких выражениях:

— Наблюдающееся обычно в декабре, ым-гым, похолодание вызывается деятельностью циклонов—ым-гым,—спускающихся к нам, хым, с берегов Исландии. Есть предположения, что действие этих, ым-хым, циклонов сменится влиянием антициклонов, с центром на Волхонке, в каковом случае нам придется ожидать преобладающих юго-восточных, гым, ветров... Дсбавить к этому ничего не имею.

Члены комиссии переглянулись в недоумении, не зная, холодно, или тепло им будет от антициклона с центром на Волхонке, но внимание их было отвлечено вошедшим в комнату новым лицом.

Лицо это являлось курьером Статотдела Портянкиным, два дня тому назад, к великому своему удовольствию, определившимся на службу. Курьер Портянкин принес обычный пакет на имя председателя комиссии, и все остальное случилось помимо его воли.

— Одну минутку... остановил председатель дебаты об оттепели, увидав Портянкина.—Вы—откуда?

— Мы-то? Из Статотдела мы...

— Ах, вот прекрасно! Садитесь!

Портянкин сел.

— Ваше мнение по поводу возникшего у нас разногласия?

— Это чего?—спросил Портянкин.

— Тов. из НКФ утверждает, что в декабре будущего года Тресту понадобится немного дров вследствие того, что надо ожидать не меньше, чем 5 дней оттепели. Что? Я так передаю? Так вот, как вы полагаете? Сколько дней будет длиться декабрьская оттепель, при чем сколько дней праздничных и сколько будничных? Я так формулирую?

Все взоры обратились на Портянкина, который почувствовал себя под ними немного смущенно. Тем не менее он широко улыбнулся.

— Гы-ы,—произнес он.—А кто-ж их знает? Я же нешто гадалка?

Председатель чуть звякнул в звоночек, предупредив возгласы:

— Товарищ из Статотдела,—сказал он,—отнесся к моему вопросу, как, выражаясь мягко, к шутке... Что?

— Ясно,—сказал Портянкин.—Чу-удно! Пять или сколько? Это-ж старухи по ломоте загодя погоду угадывают...

Председатель звякнул громче.

— Товарищ из Статотдела! Дело идет о плане, а не о ломоте... Вы отказываетесь от выражения своего мнения по вопросу об оттепели?..

Портянкин не оробел:

— Завсегда откажусь! Я, что-ли, погоду делаю?

Терпение председателя лопнуло:

— Занесите в протокол,—обернулся он к секретарю.—Также и о том, что не товарищ погоду делает... Или нет! Может быть, товарищ вообще сформулирует свое отношение к нашей работе. Думает-ли он, что мы заняты глупос...

— Ну, вот же именно!—обрадовался Портянкин.—Об оттепели... Господи! Ну одна глупость!

Председатель резко и длительно позвонил. Портянкину стало вдруг скучно и не по себе.

— Я бы пошел, а?—спросил он. Пакетик-то от меня примете, что ли?

— Позвольте!—удивился председатель.—Вы бы лучше исполняли ваше назначение, а не разносили бы пакеты...

— А кому-ж их разносить?—грустно спросил Портянкин.—Другой-то курьер не вышел нонеча...

Воцарилась тишина. Мертвая тишина.

Казалось, что членов комиссии хватил столбняк...

Через десять минут после происшедшего явился настоящий представитель Статотдела и твердо, ясно, авторитетно заявил, что оттепель в декабре продлится 6 дней и все 6 дней—в будни.

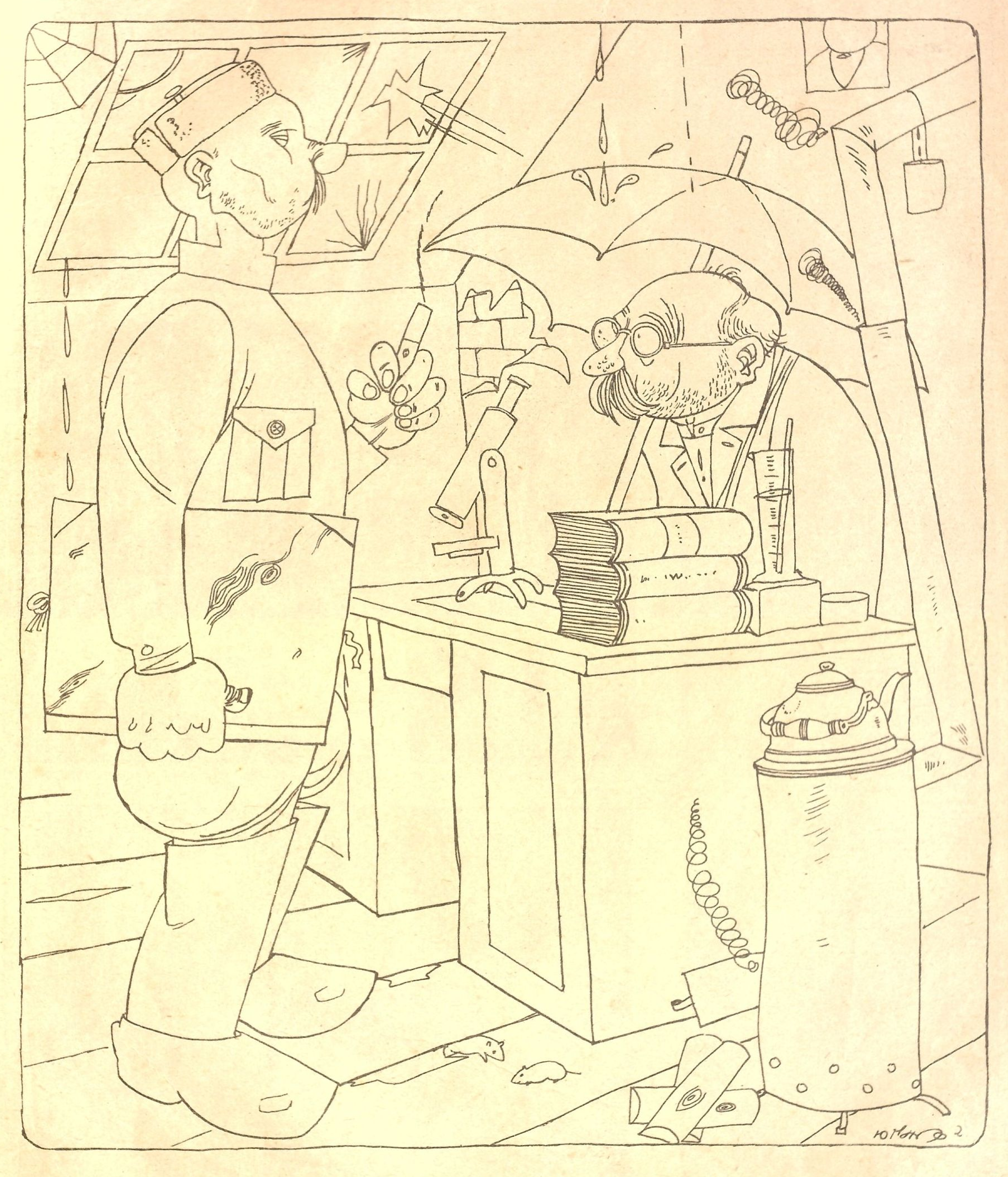
В. Авилов.

ваю-
нтра-

ИЗБАЛОВАННОСТЬ

Рис. Ю. Ганфа

Наркомпросом вырабатывается циркулярное обращение по вопросу об охране могил выдающихся людей.

УЧЕНЫЙ: — Товарищ управдом, вы бы хоть какие нибудь меры приняли. Ведь, жить невозможно! Течет, дует...

УПРАВДОМ: — Многого вы хотите! Вам, выдающимся людям, и так вон какая льгота дадена: могилы ваши теперь охранять велено. А вы говорите—течет!

...И ТАК—КАЖДУЮ НОЧЬ!

Рис. К. Ротова

ПРИСТАВКИ

После долгих хлопот, очередей на бирже труда, ожиданий в передних у всяких завов, замов и управделов Лидочка получила, наконец, службу. Ее приняли регистраторшей на исходящий журнал в губотдел союза совработников. Радости ее не было конца.

— Наконец-то меня перестанут упрекать, что я сижу на чьей-то шее,—думала Лидочка по дороге на службу.—Первым делом куплю духи и пудру Коти... Хватит, намучилась в этих мещанских предрассудках...

Но в первый же день ее постигла полная неудача.

— Запишите вот эту бумажку,—бросил ей секретарь какое-то отношение.—Вы знаете, как это делается? Ставьте сюда номер, а сюда — краткое содержание бумаги...

И, составив Лидочке копию, секретарь исчез.

«Всем месткомам, уотделам, рай и волотделениям» — значилось на бумаге. — «Губотдел совработников напоминает о слабой культработе с профактивом. Необходимо всем предместкомам, и завклубам, и культкомиссиям в контакте с ком'ячейками хозучреждений и соваппарата проводить партлинию в смысле политобслуживания рабмасс путем спецзаседаний и товбесед, устраиваемых не только для проформы. С комприветом».

И подпись.

Лидочка перечитала бумагу раз, перечитала два и ничего не поняла.

— Ну что, записали?—спросил секретарь,—подсовывая другую бумагу.

— Я... я...—сквозь слезы пробормотала Лидочка,—не понимаю...

— Как не понимаете?

— Н-не понимаю... Профактив... Партлиния... Товбеседа...

— Ну как же так. Актив—вы понимаете? Линия? Беседа? Чего же тут непонятного? А «проф» и «парт»—обыкновенные приставки. «Парт»—партийный, «проф»—профессиональный, «тов»—товарищеский... Учили о приставках?

— Учила,—вся в слезах пробормотала Лидочка,—но опять-таки ничего не поняла, а спрашивать постеснялась.

— Дома спрошу, что это такое...

И, списав копию бумаги, принесла ее домой. Дома она стала читать бумагу вслух за обедом, но, дойдя до слова «профактивом», горько расплакалась.

— Чего-ж непонятного,—сказал отец,—бумага, как бумага. Я сам такие пишу... Чего ты не понимаешь?

— Пр... При... Приставки,—заплакала Лидочка.—У нас, во второй ступени, этих приставок... не учили...

— Ишь ты,—не учили. Чему только там учат — рассердился отец. — Я в городском училище был—и то учили. Приставки «из», «воз», «низ», «раз» пишутся, как слышатся... До сих пор помню... А теперь новые приставки пошли: сов, ком, проф, губ, полит... Давай я те все их об'ясню. Пиши.

Лидочка торопливо записывала на шпаргалку.

— Проф—профессиональный, спец—специальный, сов—советский, хоз—хозяйственный, вол—волостной...

— Теперь, где твоя бумага—давай читать.

Разбираясь по шпаргалке, Лидочка, наконец, поняла всю бумагу и споткнулась только на одном слове: «для проформы».

— Папа, а это что же такое? Проф—приставка, значит, профессиональный, а что такое «орма»?

— Наверное ошибка,—ответил отец, занятый газетой. Надо читать—«норма». Профессиональная норма...

Окончив читать газету, отец сказал:

— Давай теперь повторим.—Что такое «губ»? Что такое «парт»? Что такое «тов»? Что такое «ком»? Э, да ты путаешь! «Ком»—это коммунистический, а вовсе не комиссионный... Давай опять сначала.

Лидочка зубрила шпаргалку до тех пор, пока не заболела голова.

— Служба службой, а зачем же дите мучить,—ворчала мать.—Ишь, как разгорелась... Ложись спать, я тебе на головку положу компресс...

Лидочка, засыпая, думала:

— Ком—пресс. Коммунистический пресс. Политпресс... Товпресс...

Утром она еще раз повторила шпаргалку и побежала на службу. На ходу вслух прочла вывеску:

— Лаки, краски, политура. Полит—ура. Полит—ура. Политическое ура! Все знаю...

А когда секретарь подбросил ей очередные бумаги, она с радостью схватилась за них. Выбрала одну попроще, поставила номер в книгу, номер на бумагу, наморщила лоб—и задумалась. Думала она очень долго, и пока она думала, лоб её морщился все больше и больше, а губы сами собой обвисали, придавая лицу плаксивый несимпатичный вид.

— Не понимаю... Не понимаю,—шептала она.—Губ—губернский, у—уездный, вол—волостной... Не понимаю... Спрошу...

И тихонько, на цыпочках подойдя к секретарю, робко спросила:

— Петр Иванович, а что такое «га»?

— Какое «га»? Что за «га»?—переспросил секретарь, отрываясь от работы. Увидев же заплаканные глаза Лидочки, сделался мягче.—Что вы еще не понимаете, милая? Какое «га»? Покажите...

Лидочка дрожащей рукой протянула бумагу:

— Я здесь все понимаю, а вот дальше... Волга... Вол—га! «Вол»—это я знаю—приставка... «Волостной»... А что такое «га»? Н-не-понимаю...

И горько, горько расплакалась...

Мих. Козырев.

УСЕРДИЕ НЕ ПО РАЗУМУ

(Из рисунков, присланных на конкурс).

(Рис. и тема тов. Ф. Сигова—Тверь).

Отчетность сельсоветов и ВИК'ов доходит до того, что требуют указать, сколько человек пьют воду из колодца и сколько из пруда.

(„Тверская Правда").

СТАТИСТИК:—Стой, гражданин! Который глоток пьешь?
КРЕСТЬЯНИН:—А что?
СТАТИСТИК:—Да для отчетности требуют. А я считал, да сбился,—уж больно ты скоро глотаешь.

НОВЕЙШИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

(Собраны гражданином Савелием Октябревым с единственной целью способствовать скорейшему наступлению нового быта).

Жена да детки—как тут жить по тарифной сетке?

★

Поступишь на место без волокиты, но прежде записочку волоки ты.

★

Прибыль в отчете—во век не сочтете. Ревизоры прибыли—не осталось прибыли.

★

Докладчиков язык—к мозолям привык.

★

В кооперативе мыш —заведующему барыш.

★

Глаза разуй—а потом ревизуй.

★

Красивая девица—ни в жизнь не сократится.

★

И от экономии толстеют физиономии.

★

Этот—глуп—не загонишь в клуб, а тот—с умом—мимо клуба бегом.

В.—Л.—К.

Рис. В. Белкина

СВОЯ АРИФМЕТИКА

— Вы знаете, я за этот месяц принял девятьсот посетителей!
— Это как считать: посетителей-то было всего девять, но правда,—приходили они по сто раз каждый.

ВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Отдел экономики труда треста «Жиркость» жалуется на московский губернский отдел труда:

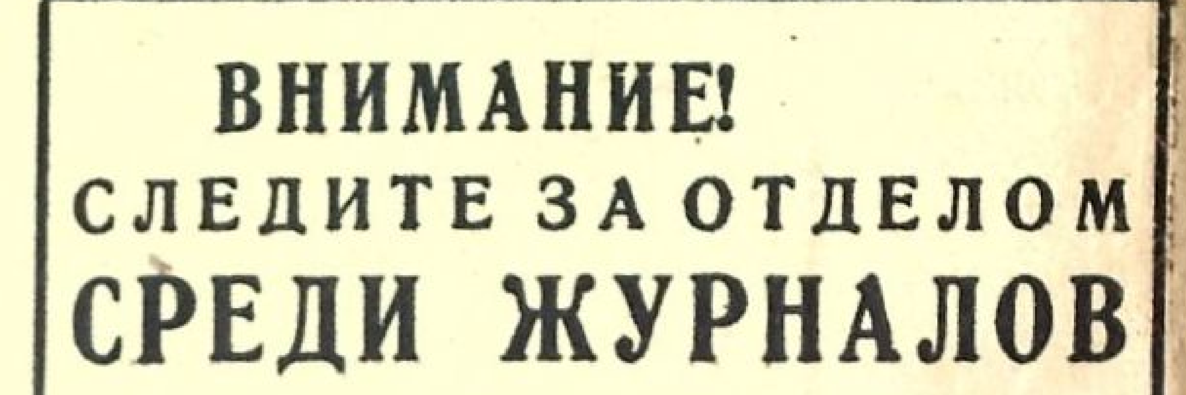
— По распоряжению МСНХ, ставки для специалистов на октябрь месяц были оставлены без изменения с тем условием, что впоследствии должны заключить труддоговора со специалистами. Пока шла волокита с утверждением спецфонда, технорук Барташевич умер. Но, несмотря на это, завтруддоговорами требует подписи умершего Барташевича. При всем желании этого сделать мы не можем. Может быть, «Крокодил» найдет выход из этого архи-бюрократического положения?.

Выход можно указать очень простой—дверь! А если в кабинете, где сидит завтруддоговорами, две двери—вот и два выхода.

МЕЖДУ ПРОЧИМ.

Эх, многим женщинам не сладко.
Наш быт примерами богат:
Жена частенько делегатка,
А муж—в семейном ДЕЛЕ ГАД.

Ф. Б.

НА ВОЛОСКЕ

Аким Делякин, заведующий Рубцовским отделением кооператива «Наша Победа», был неприятно изумлен, испуган и ошарашен. К нему неожиданно, как снег на голову, свалился ревизор из правления.

К приезду ревизора Аким никак не был готов. Да и вообще этот ревизор ни по каким расчетам не должен был появляться. Во-первых, ревизия была совсем не так давно—месяца полтора тому назад. А, во-вторых, правленский конторщик Ковальчук всегда во-время предупреждал Акима о ревизиях и даже подробности сообщал: кто и что ревизовать будет. А на этот раз—не было предупреждения.

Аким Делякин в сильнейшем волнении тер рукой переносицу:

— Ревизор—правленский... Почему Ковальчук не предупредил? Чорт его знает! Может, он обиделся, что мало дал ему в прошлый раз? Так, ведь, надо было сказать! Нельзя же людей под петлю подводить!.. И зачем этот ревизор,—когда у меня от последней ревизии даже похвальный отзыв имеется? Ничего не понимаю! Может, Ковальчук заболел? Может, его уволили? Никак не должно бы быть этого ревизора! Ну, никак!

Однако, ревизор важно сидел в задней комнате кооператива, раскрывши портфельчик и не спеша протирая очки. Факт оставался фактом. И Аким знал, что с фактами надо считаться.

Поэтому, надевши новый фартук и выдавив на своем широком и рябом лице жалкое подобие улыбки, он смело пошел навстречу опасности, стараясь по возможности принять молодцеватый вид:

— Надолго к нам пожаловали? Проездом или по какой особенной необходимости?

Ревизор чуть приподнял глаза от бумаг:

— Нет, я не проездом. Я командирован—именно к вам. Обревизую и вернусь обратно.

Сердце Акима Делякина упало. Однако он постарался улыбнуться еще приветливее и спокойнее:

— Хы-ы... Очень приятно! А, простите за беспокойство, что-ж это за причина такая... вот ревизии вашей? Подсчет, что ли, какой?

Ревизор буркнул что-то в роде—угу!—явно не желая поддерживать пустопорожний разговор. Но Аким не унимался:

— Скажите,—это, значит, теперь по всем отделениям такая-то вот ревизия будет?

— Нет. Не по всем. Я послан к вам потому, что тут было на вас одно заявленьице,—так вот меня и послали проверить.

Аким похолодел и перестал улыбаться. Руки стали вдруг потными, и в ушах зазвенело.

— Пропал! Заявление?.. Это не иначе, как Николка Барсуков. И чорт меня дернул его тогда выжить... Смертельного врага нажил. Пропал! Погиб!..

Аким заморгал глазами, снова собрался с духом и, присевши на табуретку против ревизора, снова заставил себя улыбаться. Между тем, ревизор разложил уже какие-то бумаги, вынул дорожную чернильницу и приготовился писать.

— Конечно, негодяев всяких много на свете...—пробормотал Аким, откашливаясь и облизывая пересохшие губы.

— Это вы к чему, собственно?

— А к тому, что вот разные доносчики ...ествуют. Ты с каким-нибудь негодяем не поладишь,—а он—хе-. сейчас на тебя донос. Конечно, на честного человека—легко наклепать. Бумага-то—она все терпит. Пиши на ней какую хошь неправду. Вот негодяи-то и пользуются.

Ревизор в упор блеснул на Акима стеклышками очков:

— А вот мы сейчас и посмотрим, где правда и где неправда. И выведем на свежую воду не-го-дя-ев. Ведь, негодяев—ловить надо? Так? Или не так?

Аким Делякин примерз к табуретке и прошептал чуть слышно:

— Совершенно верно...

— Вот тут у меня есть к вам кое-какие вопросики—продолжал ревизор.—Кое-какие данные я хочу сначала узнать у вас лично,—а потом уже приступим к фактической проверке. Например, так: верно ли, что вы взяли из кооператива в свое личное пользование всю партию гвоздей шестимиллиметровых и потом частным образом продавали их только родным и знакомым?

Аким Делякин поглядел на ревизора с суеверным ужасом:

— Волшебник он, что-ли? Вчера только гвозди перетащил, а он уж знает. Хорошо хоть я вчера фунта два только разбазарил—все целы... Надо будет Тишку послать принести.

И, быстро придя в себя, он промолвил уже вслух жалобно:

— Неправда это! Поклеп! Чистый поклеп! Гвозди все целы! Это прямо такой поклеп... Я прямо даже и сказать...

Ревизор остановил его рукой:

— Постойте. Я прочту вам все сразу, а потом уж вы мне скажете, что по вашему поклеп и что нет. Вот что мне известно о ваших делах. Вы держите специальные подпиленные гирьки для обвеса покупателей. Раз! Вы спекулируете кооперативной мукой: даете в долг и получаете с кабальными процентами. Два! Вы на три недели задержали снижение цен: продавали по старым ценам, записывали по новым и разницу клали себе в карман. Три!

Аким Делякин чувствовал, как с каждой фразой ревизора он тонет все глубже и глубже:

— Все, все знает! Ничего не скроешь! И про муку, и про гирьки! Погиб! Совсем погиб!

А ревизор продолжал:

— Вы продали всю полученную вами партию ситца местному богатею и мироеду Гребенщикову.

Аким Делякин вдруг подпрыгнул на табуретке:

— Кому? Кому?

— Гребенщикову. Кузьме Гребенщикову. Не перебивайте.

— Да у нас нет такого—Гребенщикова! Это в Рябцеве, в селе есть Гребенщиков, а у нас нету! И не продавал я ему ничего! Это ему, может, рябцевский Муханов продавал. И я и знать не знаю!

Ревизор вдруг замолчал. Сдвинул очки на лоб, снова опустил, высморкался, перебрал бумажки и недоумевающе уставился на Акима:

— Да ведь это какое отделение? Рябцевское?

— Рубцовское. У нас деревня Рубцовка. А Рябцево—это село!—почти прокричал Аким, в сердце которого вспыхнула вдруг надежда:

— А вам в Рябцево надо? К Муханову?

— Д-да... Мне, оказывается, надо в Рябцево. Очевидно, я ошибся.

— Ну да, ошиблись! Ну да! А я смотрю, вы про Гребенщикова! А у нас такого сроду не было! И вообще, смотрю, поклеп один! Честного человека—жуликом выставляют! У меня даже отзыв похвальный есть, а вы вдруг с подозрением! Прямо до слез меня обидели!

Роли переменились. Ревизор смущенно заморгал глазами:

— Простите, ошибся... Мне бы хоть фамилию вашу спросить...

— Ничего... Я не сержусь!.. Ошибка со всяким бывает. Только обидно мне очень было, как вы меня подозревали. А теперь ничего! Я вам сейчас чайку вскипячу, а тем временем лошадок найдем до Рябцево. Тут всего верст десять.

Ревизор смущенно укладывал бумаги:

— Да вы не беспокойтесь...

— Помилуйте, какое беспокойство! Окромя радости—ничего!

Вас. Лебедев-Кумач.

ЖЕСТОКИЕ НРАВЫ

(КУЛАЧНЫЙ БОЙ)

Рис. Ив. Малютина

КУЛЬТПРОСВЕТЧИК: — До чего темный народ! Мы им сегодня пять докладов организовали, — а они ишь какое дикое занятие нашли! Чем это об'яснить?

КРЕСТЬЯНИН: — А очень просто, товарищ дорогой! С пяти докладов кто хочешь на стенку полезет.

ВИЛЫ В БОК

ХОРОШЕЕ СРЕДСТВО

Пишут нам из Каменногорского сахзавода про такой экономный случай:

— В связи с режимом экономии, сократили на заводе юрисконсульта Нидермеера. Но уманское отделение Сахаротреста на место сокращенного прислало нового юрисконсульта Панецкого. И его за ненадобностью сократили, заплатив ему выходное пособие. Но уманское отделение опять прислало нам нового юрисконсульта...

Дорогой «Крокодил», как избавиться от юрисконсультов?

Эх, вы, неблагодарные! Они о вас заботятся, юрисконсульта вам посылают, а вы еще недовольны. Не жаловаться надо, а на подарки отвечать подарками. Они вам юрисконсульта, а вы им прокурора пошлите. Выслуживаться перед старшими не умеете!

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

Из Себежа пишут:

— «Псковское отделение Госспирта в поселках Сутоки и Томсино вот уж 4 месяца, как платит жалованье служащим и за помещение, а вином не торгует. И когда по этому поводу уездная комиссия по проведению режима экономии запросила Госспирт, то получила такой ответ: «Магазины продолжать нанимать, оплачивая штаты, а вина нет потому, что губисполком еще не дал согласия на открытие таковых».

Вина, конечно, есть... И не в том вина, что нет вина. А в том вина, что хоть и безвинно,— а денежки народные текут.

МОГУТ ДОВЕСТИ

Как известно, на всякий случай жизни припасена анкета.

Гражданин Обухов село Тимашево, Бугурусланского уезда, Самарской губ., установив у себя радиоприемник, решил его зарегистрировать в местном почтово-телеграфном отделении. Уплатив деньги и получив квитанцию, он успокоился. Однако, после этого только и «пошла писать губерния»: посыпались заявления, сведения, и, наконец, предложили заполнить анкету, имеющую, в числе других, следующие глубокомысленные вопросы: «откуда и на основании чего прибыли в Самару (подробно указать места, где проживали до 1917 г.) и «подробный адрес родных и ближайших родственников».

Неудивительно, если гражданин, принужденный ответить на серию таких вопросов, начнет вспоминать не своих ближайших родственников, а самых ближайших родственников составителя этой анкеты!

УСТЫДИЛСЯ—ЛОШАДЕЙ

Рабкор Тамошний из города Кустаная сообщает такой факт:

Приехавший к нам на конный завод новый управляющий Солдатов поселился в школе. Но школа ему почему-то не понравилась, и он перевел туда контору, а сам устроил свою квартиру в помещении конторы. И только недавно, по настоянию нового рабочкома, контора была переведена в другое место, и в школе начались нормальные занятия».

Вот, видите, какой замечательный характер у этого тов. Солдатова. Немного поспорил с рабочкомом и согласился—пускай дети учатся. Вот это, действительно, передовой человек! Одним словом, как часто пишется в газетах — поменьше бы таких!

ДЕЛО В ШАПКЕ

Сообщают:

— «Проммилиции Голубовского рудоуправления (Донбасс), в связи с увеличением штата работников милиции, требовалось дополучить 9 штук шапок. Три раза командировали в луганскую окрмилицию курьера, и вместо шапок три раза получали такие резолюции нач. отд. милиции т. Хруничева:

— Донести, для какой цели нужны шапки? Одновременно в выдаче отказать, так как по табели вооружения пешим милиционерам не положено».

И правильно! Зачем милиционерам шапки? Если кому и нужно дать по шапке,—то, во всяком случае, не милиционерам.

ПОКОРЕНИЕ НА КАВКАЗЕ

Известно, что дурные примеры весьма заразительны. Вот, например, хищническая политика Чемберлена, большого поклонника интервенций, пришлась весьма по вкусу председателю сельсовета станицы Нефтяной, тов. Вертелецкому. Не имея в своем распоряжении флота, тов. Вертелецкий ограничил свою захватническую политику пределами станицы:

Понадобился избачу станицы шкаф. Избач обратился к своему другу и приятелю Вертелецкому. Тот распорядился, чтобы избачу шкаф выдало сельско-хоз. товарищество, у которого под бухгалтерскими книгами имелся шкаф; тогда Вертелецкий дал избачу в помощь вооруженного милиционера. Ворвавшись в товарищество, они взяли шкаф штурмом, выбросили книги и увезли шкаф, который, оказывается, был нужен избачу для хранения белья.

Ходит теперь Вертелецкий и хвалится—вот и еще одно завоевание — сельско-хозяйственную кооперацию завоевал!

НЕ ТЕМ МЕСТОМ ДУМАЮТ

Администрация рудника «Чубаря», в Донбассе, думала-думала, что это за режим такой экономии, и, наконец, сообразила:

В целях режима экономии сократить уборщицу в рабочих казармах. Печи топить самим рабочим. В казармах стоит грязь, печи не топлены, рабочие возмущаются.

Ясное дело—уборщики тут нужны. Да такие, чтобы могли убрать кой-кого из умных режимщиков.

УМНЕЕ НЕ ПРИДУМАЛИ...

Президиум исполкома Черкесского автономного округа, в поисках экономии, вынес такое постановление:

В связи с проведением режима экономии в округе, сократить штат сторожей по всем сельсоветам округа с 1 января 1927 года. Обслуживание обязанностей сторожей возложить на сельисполнителей, а также и охрану сельсоветов.

Нечего сказать—поняли режим экономии! Кстати уведомляем, что возлагать обязанности сторожей на сельисполнителей нельзя даже и в том случае, если мудрые проводники режима экономии полагают, что закон для них не писан.

КОМУ ХОЛОДНО, КОМУ ЖАРКО

Не мешает кой-кого лишать и заготовительных прав.

Павловский ОМХ решил заготовить дрова для учреждений и беднейшего населения. Уполномоченным был назначен бывший кулак—торговец Сопляков, который деньги пропил. ОМХ остался без дров.

Не знаем, как беднейшее население гор. Павлова, но ОМХ обеспечено, по крайней мере, одним бревном, которое занимает довольно большое место по уездному масштабу.

И ЧЖАН-ЦЗО-ЛИН БЕРЕТ

Рис. Ю. Г.

ЧЖАН-ЦЗО-ЛИН:—Кантонцы заняли у меня район в пятьдесят деревень. Но и я тоже не дурак! Я занял у Англии пятьдесят миллионов. И занял прочно, без отдачи!

КЛУБНАЯ РАБОТА

В центре президиума окружного с'езда клубных работников сидел представитель Губполитпросвета, и завклубом Ванькин, когда подошла его очередь выступать, стал на трибуне с таким расчетом, чтобы краешком глаза видеть выражение лица представителя центра и по этому выражению—соображать.

Вышел он, Ванькин, и начал:

— Товарищи! Клуб в настоящее время—это кузница красной пролетарской культуры,..

И глазом-то—зырк на центрального.

А тот—брови нахмурил.

— „Ишь ты!—подумал Ванькин:—видно, не надо им громких слов!“ И продолжает:

— Но не громкие слова я вышел вам говорить, а о деле! Дело же наше клубное—это просветительная работа, а не развлечение в духе лоботрясничества...

И опять—зырк. А тот опять нахмурился.

—„Боже-ж мой!—испугался Ванькин:—про Томского речь-то я и забыл“. И поворачивает на иное.

— Однако, нельзя рабочего в клубе морить лекциями и докладами,—оскомину набило международное и внутреннее, рабочему нужен отдых...

И наново — зырк, зырк!!! Хмурится, будь он неладен!!!

— „Что ты будешь-станешь делать?—мучается Ванькин:—опять не угадал! Ну, ладно, поправимся“.

И режет:

— Какой же отдых мы подразумеваем, что он необходим рабочему? Разумный, конечно, отдых, отдых, который просвещал бы рабочего, а не танцы. Беседу можно устроить, лекцию или доклад...

Зыркнул на гостя и замер Ванькин: тот сморщился даже.

— „Опять не за ту потянул!—екнуло Ванькино сердце:—надо по Томскому завернуть“!

— Устроить, говорю, можно и лекцию, и доклад, — а нужно ли их устраивать, когда они осточертели рабочему? Незачем их и устраивать! Если рабочий пришел в клуб и хочет танцовать,—почему же ему и не танцовать? Пора, товарищи, бросить монастырский устав и заменить его уставом клубным, пора перестать считать танцы за мелкобуржуазное разложение!!!

Этот заворот Ванькину показался великим достижением и он смело глянул на представителя центра. Глянул и ожегся: у того было не то что нахмуренное, — прямо страдальческое лицо.

— „Чем же ему угодить?—взмолился Ванькин:—ведь как есть по Томскому шпарю, а он серчает! Надо поправляться“!

— Танцы в клубе вполне допустимы, но с ограничением: не парные, а массовые, вроде массового действия под „Интернационал“ или „Смело, товарищи, в ногу“, под командой опытного руководителя с революционным стажем...

Зыркнул и поперхнулся: представитель центра аж заерзал на стуле.

— „Запутался!!!—пронеслась в голове Ванькина тоскливая мысль:—сам себя зарезал! И не выпутаешься теперь!!!“

— Таким образом, мы приходим к тому выводу, что поскольку танцы в клубе, с одной стороны, как массовое действие сопровождаются бодрящей музыкой, то, с другой, они, конечно, могут происходить под чтение доклада о международном или внутреннем, а с третьей...

Слушатели нагло засмеялись. Потный Ванькин обернулся к президиуму и увидел, как гость нагнулся к председателю, что-то сказал ему и вышел совсем.

Ванькин икнул от ужаса и пролепетал чуть слышно:

— Я кончил, товарищи!!!

А гость, оказывается, просто спросил у председателя шопотком:

— Товарищ, где у вас тут уборная?

И, получив указание, торопливо вышел.

Вл. Павлов.

Издательство „Рабочей Газеты“—Москва, Тверская, 3. Ответственный редактор Н. И. Смирнов.

Главлит № 79621. Типография «Рабочей Газеты». Сущевский вал, д. № 63. Тираж 175.000

НЕЗВАНЫЕ ГОСТИ

(В КИТАЕ)

Рис. Ю. Ганфа

— Не понимаю — зачем нас сюда пригнали?
— Ясно зачем: защищать жизнь и интересы английских подданных.
— Да ведь здесь же нет англичан.
— Как нет? Теперь, когда мы пришли — и англичане есть, и защищаться придется.